Научная статья
УДК- 343.97
DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-102-108

С. 102–108

НЕЛЕГАЛЬНАЯ БАНКОВСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ФИНАНСОВЫХ ПОТОКОВ И САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Владимир Игоревич Акинжала

Академия управления МВД России, Москва, Россия
orlssovetsk@mail.ru

https://orcid.org-0009-0005-6363-5980

Аннотация. В статье рассматривается нелегальная банковская деятельность как устойчивое сформированное криминологическое явление и, в тоже время, продолжающее преобразования в условиях трансформации финансовых потоков и санкционных ограничений. Анализируются теоретические подходы к определению и содержанию нелегальной банковской деятельности, а также современные тенденции её развития в условиях ограниченного доступа к традиционной международной финансовой инфраструктуре. Отдельно рассмотрены некоторые аспекты криминологической характеристики личности субъектов нелегальной банковской деятельности с разграничением лиц, использующих нелегальные банковские операции, и лиц, организующих и обеспечивающих функционирование соответствующих финансовых схем.

Ключевые слова: нелегальная банковская деятельность; санкционные ограничения; трансформация финансовых потоков; финансовый контроль.

Для цитирования: Акинжала В. И. Нелегальная банковская деятельность в условиях трансформации финансовых потоков и санкционных ограничений: современное состояние и проблемы противодействия // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 3 (50). С. 102–108. DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-102-107

Research article

ILLEGAL BANKING ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATION OF FINANCIAL FLOWS AND SANCTIONS RESTRICTIONS: CURRENT STATE AND PROBLEMS OF COUNTERACTION

Vladimir I. Akinzhala

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia
orlssovetsk@mail.ru

https://orcid.org-0009-0005-6363-5980

Abstract. The article examines illegal banking activity as a persistent criminological phenomenon developing under the conditions of transformation of financial flows and the imposition of sanctions. The study analyzes theoretical approaches to the concept and content of illegal banking activity, as well as current trends in its evolution amid restricted access to traditional international financial infrastructure.

Keywords: illegal banking activity, sanctions restrictions, transformation of financial flows, digital financial assets, sanctions evasion; financial control.

For citation: Akinzhala VI. Illegal Banking Activities in the Context of Transformation of Financial Flows and Sanctions Restrictions: Current State and Problems of Counteraction. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2026;(3):102-108. (In Russ.). DOI: 10.47475/2311-696X-2026-50-3-102-108

© Акинжала В. И.

Введение

В современных социально-экономических условиях нелегальная банковская деятельность продолжает оставаться одной из наиболее устойчивых и латентных форм экономической преступности. Активные процессы трансформации финансовых потоков, цифровизация расчётных операций, а также введение санкционных и иных внешнеэкономических ограничений существенно изменили способы и механизмы осуществления незаконных финансовых операций, что, в свою очередь, обусловливает необходимость их комплексного криминологического анализа.

Нелегальная банковская деятельность выступает важным элементом инфраструктуры теневой экономики, обеспечивая обслуживание преступных доходов, обналичивание денежных средств, их незаконный вывод за пределы национальной юрисдикции, а также маскировку финансовых операций под видом легальных гражданско-правовых и внешнеэкономических сделок [11, с. 523]. В условиях санкционных ограничений указанные противоправные процессы в нашей стране приобретают новые формы, связанные с интеграцией цифровых платёжных инструментов, использованием многоуровневых транзитных цепочек и трансграничных схем расчётов, что осложняет противодействие данным видам преступлений.

Актуальность криминологического исследования нелегальной банковской деятельности обусловлена её высокой общественной опасностью, выражающейся в подрыве устойчивости финансовой системы государства, снижении эффективности налогового и валютного контроля, создании условий для легализации (отмывания) преступных доходов и финансирования иных противоправных форм деятельности [10, с. 42].

Описание исследования

В 2025 году было совершено 8 338 (–17,7 %) преступлений, связанных с финансово-кредитной системой, при этом в крупном и особо крупном размере — 3 656 (–8,4 %) преступлений [10, с. 42]. В том числе деяний, квалифицированных по ст. 172 УК РФ — 123 (–10,2 %) (АППГ — 137 (+17,1 %), из них 119 (–11,2 %) (АППГ — 134 (+16,5 %) совершенных в крупном или особо крупном размерах либо причинивших крупный ущерб. Несмотря на общую тенденцию снижения данного вида преступности в 2025 году, следует обратить внимание на то, что большая их часть совершена в крупном или особо крупном размерах, либо причинила крупный ущерб, что еще раз подчеркивает опасность данного вида преступлений для экономической системы страны[1].

По данным Центрального банка РФ «в 2025 году им было выявлено свыше 7 тыс. субъектов с признаками нелегальной деятельности, в том числе финансовых пирамид. Следует отметить, что это на 21,5 % меньше, чем годом ранее. В основном снизилось количество уникальных финансовых пирамид и псевдоброкеров — вместо запуска нового проекта организаторы раскручивали уже отработанную схему под разными брендами и использовали шаблонизированную структуру сайтов. В 2025 году такой стратегии придерживались многие финансовые пирамиды и псевдоброкеры — более 2,6 тыс. мошеннических проектов, которым принадлежало около 10,5 тыс. ресурсов. Нелегальные кредиторы также реже создавали отдельные компании, предпочитая работать в сетевом формате под единым брендом, что позволяло им экономить на рекламе»[2].

Большинство незаконных проектов, кроме нелегальных кредиторов, не имели офисов и взаимодействовали с потенциальными клиентами через соцсети, мессенджеры или по телефону, а для привлечения средств чаще всего использовали криптовалюты.

Как отмечается в источнике «3,6 тыс. субъектов с признаками финансовой пирамиды выявил Банк России в 2025 году, что на 35 % меньше, чем годом ранее. Они составляют более половины всех выявленных мошеннических схем. В основном это интернет-проекты, которые обещали гарантированный доход от совместных инвестиций в различные доходные активы, «инновационный бизнес», драгоценные металлы. Почти 1,5 тыс. проектов предлагали псевдоинвестиции в криптовалюты и криптоактивы. Кроме того, мошенники использовали криптовалюту, чтобы привлекать средства. В 2024 году взносы в криптовалютах принимали 77 % пирамидальных проектов, в 2025 году — 84 %. Всего в 2025 году было выявлено более 4,6 тыс. криптовалютных кошельков, на которые организаторы финансовых пирамид предлагали переводить первоначальный инвестиционный взнос»[3].

Организаторы пирамид для привлечения молодой аудитории активно используют упоминание искусственного интеллекта (79 таких проектов за 2025 год). Снизилась популярность пирамидальных мошеннических схем в форме экономических игр — выявлено 130 проектов (379 — в 2024 году). Организаторы выявленных финансовых пирамид использовали более 7 тыс. сайтов, 350 телеграм-каналов и более 180 страниц в соцсетях, которые распространяли информацию о мошеннических проектах.

Таким образом, «2,2 тыс. субъектов с признаками нелегального профессионального участника рынка ценных бумаг выявил Банк России в 2025 году. Это на 13 % больше, чем годом ранее. Нелегальные проекты нацелены преимущественно на аудиторию, заинтересованную в быстром получении дохода, в том числе за счет высокого риска. Клиентов привлекают в проект якобы

[1] См.: Состояние преступности в России за январь-декабрь 2025 г. //МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». М., 2026. С. 42. URL: https://xn-b1aew.xn-p1ai/reports/item/64450541/ (дата обращения 10.05.2026).

[2] См.: Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке // Банк России. URL: https://cbr.ru/analytics/inside/2025_2/ (дата обращения 10.05.2026).

[3] См.: Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке // Банк России. URL: https://cbr.ru/analytics/inside/2025_2/ (дата обращения 10.05.2026).

© Акинжала В. И.

возможностью участия в торгах иностранными инструментами и криптовалютой. Организаторы заверяют, что у компании есть лицензия иностранного регулятора, и предлагают торговлю с большим кредитным плечом.

1,1 тыс. субъектов с признаками нелегального кредитора выявил Банк России в 2025 году. Это почти на 27 % меньше, чем годом ранее. В 2025 году продолжилась тенденция снижения количества нелегальных кредиторов, которые предлагали займы исключительно онлайн, используя соцсети и платформы объявлений (в 2025 году — 111 интернет-проектов, в 2024 году — 694). Псевдоломбарды и комиссионные магазины, которые незаконно выдавали краткосрочные займы, чаще использовали сетевой формат работы. Они открывали точки под единым брендом, но зарегистрированные на разных индивидуальных предпринимателей. В 2025 году было выявлено 480 таких субъектов — на 21 % меньше, чем в 2024 году. Кроме того, за 2025 год было выявлено и направлено на блокировку более 4 тыс. страниц в соцсетях и на платформах объявлений с информацией об услугах нелегального кредитования»[4].

Как показывает проведенный анализ, в современных условиях наблюдается расширение круга лиц, потенциально вовлекаемых в нелегальную банковскую деятельность. Санкционные ограничения, усложнение международных расчётов и трансформация финансовых потоков создают предпосылки для участия в подобных схемах представителей формально легального бизнеса, обладающих необходимыми финансовыми и организационными ресурсами.

Вместе с тем, в настоящее время, возникли дополнительные особенности нелегальной банковской деятельности, выражающиеся в усложнении схем расчётов, расширении использования посреднических структур, а также применении альтернативных платёжных механизмов.

Указанные обстоятельства усиливают опасность рассматриваемого явления и способствуют возникновению нового вида субъектов данной незаконной деятельности, являющихся по сути предпринимателями, адаптирующимися к санкциям, которых можно определить как «субъекты санкционно-ограниченной экономической деятельности», что требует его дальнейшего криминологического изучения с учётом современных социально-экономических реалий.

Следует констатировать, что, несмотря на то, что рассматриваемой проблеме посвящено немало научных трудов отечественных криминологов [2, с. 61–66; 5; 12 и др.], в которых рассматриваются различные аспекты криминологической характеристики экономических преступлений, в том числе в сфере банковской деятельности, изменения финансово-экономической среды обусловливают появление новых ее форм, которые не получили достаточного освещения в криминологической литературе и требуют дополнительного научного анализа.

В научной литературе отсутствует единый подход к определению содержания и объёма понятия нелегальной банковской деятельности [3; 8; 9 и др.]. В рамках криминологического подхода она понимается как совокупность конкретных противоправных деяний, связанных с осуществлением банковских операций без соответствующей регистрации или лицензии, а также как устойчивая система незаконных финансовых отношений, направленных на обслуживание теневого оборота денежных средств. Такой подход позволяет выйти за рамки формально-юридического анализа и рассматривать исследуемое явление с учётом его социальных, экономических и организационных характеристик.

Так, например, Т. В. Пинкевич, исследуя криминологические аспекты экономической преступности, указывает, что нелегальная банковская деятельность представляет собой особый вид преступной активности, обеспечивающий функционирование иных противоправных форм экономической деятельности за счёт создания альтернативной финансовой инфраструктуры. По мнению автора, именно обслуживающий характер нелегальных банковских операций предопределяет их высокую латентность и устойчивость к традиционным мерам уголовно-правового воздействия [7, с. 287–295].

Нелегальная банковская деятельность характеризуется многообразием форм и способов осуществления, которые находятся в постоянной динамике и трансформируются под воздействием изменений финансово-экономической среды, цифровизации денежных расчётов и усиления государственного финансового контроля. В криминологической литературе подчёркивается, что эволюция указанных форм обусловлена стремлением преступных субъектов минимизировать риски выявления и уголовного преследования, а также адаптироваться к изменяющимся условиям правового регулирования и международных финансовых отношений.

Криминологическая характеристика нелегальной банковской деятельности в современных условиях неразрывно связана с трансформацией экономической преступности под воздействием санкционных ограничений. Введенные против России санкции не уничтожили нелегальные финансовые схемы, а, напротив, стимулировали их качественное усложнение, привели к появлению новых форм и интеграции в формальные экономические процессы.

Санкционное давление выступило мощным катализатором для перестройки всего «теневого» финансового рынка. Можно выделить несколько ключевых тенденций:

— произошла переориентация на расчеты для так называемых «блокируемых лиц». Возникновение законодательного понятия «блокируемые лица» (лица, которым запрещено банковское обслуживание) привело к формированию нового сегмента нелегальных услуг. Организаторы преступных схем переключились

[4] См.: Противодействие нелегальной деятельности на финансовом рынке // Банк России. URL: https://cbr.ru/analytics/inside/2025_2/ (дата обращения 10.05.2026).

© Акинжала В. И.

с классического обналичивания и вывода средств за рубеж на обеспечение расчетов для участников теневого бизнеса, которым доступ к легальной банковской системе был закрыт;

— значительно ускорилась модификация схем обналичивания. Фирмы-однодневки остаются ключевым инструментом, однако их функционал расширился. Если ранее они использовались преимущественно для налоговых махинаций, то теперь активно задействуются для обхода санкционных ограничений (42 % выявленных случаев в 2023 году) и создания псевдоимпортных схем (28 %).

Активное использование криптовалют и цифровых активов. Санкционные ограничения на торговлю иностранными инструментами и валютой создали благоприятную среду для нелегальных форекс-дилеров и брокеров, активно использующих криптовалюты. Этот тренд подтверждается ростом числа выявляемых Банком России нелегальных профессиональных участников рынка ценных бумаг. По итогам первого полугодия 2024 года их было выявлено 724, что в 1,7 раза больше по сравнению с аналогичным периодом 2023 года.

Одной из наиболее распространённых форм нелегальной банковской деятельности по-прежнему совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов. Криминологическая опасность незаконного обналичивания заключается в том, что оно является одним из способов совершения целого спектра преступлений, связанных, в том числе, с выплатой незаконных денежных вознаграждений, хищениями (в том числе при выполнении госконтрактов), финансировании преступной деятельности (в том числе экстремизма и терроризма), а также уклонении от уплаты налоговых и иных обязательных платежей. Статистические данные подтверждают снижение выявления преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 172 УК РФ (Незаконная банковская деятельность). Преступлений данной категории выявлено в 2017 году — 193, в 2021 году — 134, в 2025 году — 123.

Значительное место в структуре нелегальной банковской деятельности занимает совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов. Операции с целью незаконного вывода денежных средств за пределы национальной юрисдикции осуществляются под видом внешнеэкономической деятельности с использованием фиктивных либо экономически необоснованных контрактов, посреднических организаций, а также счетов, открытых в иностранных финансовых учреждениях. В условиях санкционных ограничений указанные схемы приобретают повышенную сложность и многоступенчатость, что существенно затрудняет их выявление.

Статистические данные подтверждают прирост преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 193.1 УК РФ (Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов). Преступлений данной категории выявлено в 2017 году — 67, в 2021 году — 69, в 2025 году — 94.

Широкое распространение завуалированности таких незаконных сделок в настоящее время не утратило способы маскировки нелегальных банковских операций под формально законные гражданско-правовые и коммерческие отношения. К ним относятся фиктивные договоры поставки товаров, оказания услуг, консалтингового, агентского и логистического сопровождения, которые используются исключительно в качестве формального основания для движения денежных средств.

Криминологический анализ показывает, что в условиях санкционного давления отдельные элементы подобных расчётных схем используются не только преступными структурами, но и субъектами формально легальной предпринимательской деятельности. В целях обеспечения оплаты поставок товаров, сырья и комплектующих хозяйствующие субъекты вынуждены прибегать к усложнённым финансовым конструкциям, посредническим структурам и нетипичным каналам трансграничных расчётов. Такой вид и способ предпринимательской деятельности, находясь на границе правового поля, по своим внешним признакам нередко сближается с формами нелегальной банковской деятельности, что существенно осложняет их разграничение в правоприменительной деятельности.

Указанное обстоятельство создаёт дополнительные криминальные риски, способные влиять на вовлечение легального бизнеса в теневые финансовые процессы, а также с использование созданных им расчётных механизмов преступными субъектами в целях маскировки противоправных операций. В результате происходит размывание границ между законными механизмами взаморасчетов и нелегальной банковской деятельностью, что требует их дифференцированного анализа с учётом конкретных экономических и правовых условий.

Таким образом, формы и способы осуществления нелегальной банковской деятельности отличаются высокой степенью адаптивности и институциональной сложности. Учет указанных особенностей имеет принципиальное значение для последующего анализа личности субъектов данных преступлений, а также причин и условий их распространения в условиях трансформации финансовых потоков и санкционных ограничений.

Криминологическая характеристика нелегальной банковской деятельности требует также анализа причин и условий ее распространения, которые обусловлены совокупностью взаимосвязанных социально-экономических, социально-политических, социально-правовых, организационно-технических и иных, способствующих совершению данного вида преступности. Результаты криминологического анализа свидетельствуют о том, что причины и условия преступности

© Акинжала В. И.

всегда носят системный характер [4, с. 113] и проявляются наиболее остро в периоды трансформации финансовых потоков, нестабильности экономического регулирования и внешнего санкционного давления.

К числу ключевых экономических факторов относится сохраняющийся высокий спрос на нелегальные финансовые услуги со стороны хозяйствующих субъектов и физических лиц. Потребность в обналичивании денежных средств, незаконном выводе капитала, минимизации налоговой нагрузки и обходе валютных ограничений формирует устойчивый рынок нелегальных банковских операций. В условиях санкционного давления данный спрос только усиливается, поскольку легальные каналы международных расчётов оказываются либо недоступными, либо чрезмерно затруднёнными с точки зрения сроков, стоимости и комплаенс-требований.

Важным условием распространения нелегальной банковской деятельности выступает фактор, связанный с особенностями реакции правоохранительных и контрольно-надзорных органов на выявляемые факты использования нетипичных финансовых схем. Практика противодействия нелегальной банковской деятельности осложняется необходимостью разграничения общественно опасных противоправных деяний и вынужденных механизмов адаптации хозяйствующих субъектов к санкционным ограничениям. Отсутствие единообразных критериев разграничения нелегальных банковских операций и формально законных, но экономически нетипичных финансовых практик приводит к неоднозначности правоприменительной практики. В одних случаях наблюдается недостаточная реакция на действительно общественно опасные схемы, в других — избыточная криминализация хозяйственной деятельности, не обладающей устойчивой преступной направленностью. Такой дисбаланс снижает превентивный потенциал уголовно-правовых мер и способствует сохранению высокой латентности исследуемых преступлений [4].

По-прежнему актуальное значение имеет так называемый «эффект вовлечения и спиральный эффект», подробно описанный в работе Армин-Йозефа Гуггенбергера, под которым понимается процесс взаимодействия, протекающий следующим образом: если, например, экономический субъект прибегает к средству коррупции, чтобы получить определенные преференции, то у него возникает преимущество перед его конкурентами. Следствием для добросовестных конкурентов в долгосрочной перспективе является вытеснение с рынков. Это преступное действие оказывает на добросовестных конкурентов огромное экономическое и социальное давление. Если добросовестный конкурент решает не быть вытесненным с рынка и у него нет законных рычагов, чтобы избежать такого, он «вынужден» также втягивается в преступные махинации преступного конкурента (эффект вовлечения), так что он, в свою очередь, становится центром нового поля вовлечения [1, с. 52–53].

Существенным криминогенным риском является высокий уровень организованности и профессионализации нелегальной банковской деятельности. Наличие специализированных организаторов и обеспечивающих лиц, обладающих финансовыми, юридическими и цифровыми компетенциями, позволяет формировать устойчивые преступные модели, адаптирующиеся к изменениям законодательства и практики финансового мониторинга. Использование номинальных структур, аффилированных посредников и трансграничных расчётных цепочек значительно осложняет выявление и документирование противоправных операций.

Отдельного внимания в рамках анализа причин и условий распространения нелегальной банковской деятельности заслуживает использование криптовалют и иных цифровых финансовых активов в целях обхода санкционных и валютных ограничений. В условиях ограниченного доступа к традиционной международной банковской инфраструктуре криптовалюты начинают использоваться как альтернативный расчётный инструмент, позволяющий осуществлять трансграничные переводы денежных средств вне классических банковских каналов.

В условиях санкционных ограничений этот фактор обладает двойственной природой: с одной стороны, цифровые активы используются субъектами формально легальной экономической деятельности для обеспечения внешнеэкономических расчётов, с другой — интегрируются в схемы нелегальной банковской деятельности, повышая их трансграничность и латентность. Указанное обстоятельство требует особого внимания со стороны законодателя и правоприменителя при формировании сбалансированных мер противодействия, исключающих как криминализацию экономически обоснованных операций, так и необоснованную толерантность к общественно опасным финансовым практикам [6, с. 464–469].

Дополнительную сложность для правоохранительных органов создаёт фрагментарность правового регулирования криптовалютных операций и отсутствие единообразных подходов к их криминологической и уголовно-правовой оценке. В условиях санкционного давления данная неопределённость усиливается, формируя дополнительные риски как недостаточной, так и избыточной уголовно-правовой реакции.

Таким образом, причины и условия распространения нелегальной банковской деятельности формируются под воздействием совокупности экономических потребностей, правовой неопределённости, институциональных дисбалансов, цифровизации финансовых отношений и использования криптовалютных инструментов. Их комплексный учёт имеет принципиальное значение для разработки эффективных мер криминологического предупреждения, ориентированных на сочетание репрессивных и превентивных механизмов противодействия.

Криминологическая характеристика нелегальной банковской деятельности невозможна без анализа лич-

© Акинжала В. И.

ности её субъектов, поскольку именно особенности социального статуса, профессиональной подготовки и мотивации участников во многом предопределяют устойчивость и латентность данного вида преступной активности. В отличие от традиционных экономических преступлений, нелегальная банковская деятельность совершается, как правило, лицами, обладающими высоким уровнем специальных знаний и навыков в сфере финансов, экономики и права.

Заключение

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что проведённое исследование позволило комплексно проанализировать нелегальную банковскую деятельность как устойчивое криминологическое явление, формирующееся и развивающееся в условиях трансформации финансовых потоков и санкционных ограничений. Установлено, что данный вид преступной деятельности характеризуется высокой степенью латентности, профессионализации и адаптивности к изменениям социально-экономической и правовой среды.

В ходе анализа выявлено, что нелегальная банковская деятельность представляет собой не совокупность разрозненных противоправных эпизодов, а системно организованную деятельность, ориентированную на удовлетворение устойчивого спроса на нелегальные финансовые услуги. При этом санкционное давление и ограничение доступа к традиционной международной банковской инфраструктуре выступают не столько первопричиной, сколько катализатором трансформации существующих нелегальных финансовых практик и расширения спектра используемых расчётных инструментов.

Анализ причин и условий распространения нелегальной банковской деятельности подтвердил их комплексный и взаимосвязанный характер. Экономическая потребность в альтернативных расчётных механизмах, правовая неопределённость и неоднородность правоприменительной практики, а также определенные ограничения в деятельности правоохранительных и контрольно-надзорных органов создают благоприятную среду для воспроизводства данного вида преступности. Особое значение в современных условиях приобретает использование криптовалют и иных цифровых финансовых активов, которые выступают как фактор расширения возможностей нелегальных банковских операций и одновременно как вызов традиционным механизмам финансового контроля.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования сформулированных выводов при совершенствовании уголовной политики в сфере противодействия нелегальной банковской деятельности, разработке методических рекомендаций для правоохранительных органов, а также при формировании риск-ориентированных моделей финансового мониторинга. Полученные результаты могут быть использованы в учебном процессе при преподавании курсов криминологии, уголовного права и экономической безопасности.

Таким образом, эффективное противодействие нелегальной банковской деятельности в условиях санкционных ограничений возможно лишь при комплексном подходе, сочетающем уголовно-правовые, криминологические и экономические меры, а также при учёте трансформации финансовых потоков и активного внедрения цифровых расчётных инструментов в современную финансовую практику.

Список источников

1. Dipl.-Kaufmann Armin-Josef Guggenberger. Die Bekämpfung der Wirtschaftskriminalität in einer Marktwirtschaft — eine empirische Analyse: Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Wirtschaftswissenschaft eingereicht an der Wirtschaftswissenschaftlichen. 2012. URL: https://epub.uni-regensburg.de/23501/1/gugggenberger.pdf (**дата обращения**: 23.03.2026 **г.**).

2. Александрова И. А., Сафарзода А. И. Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за незаконную банковскую деятельность // Вестник Нижегородской академии МВД РФ. 2019. № 2(46). С. 61–66. DOI: 10.24411/2078-5356-2019-10210

3. Быков И. А. Банковская деятельность в законодательстве Российской Федерации // Российский научный вестник. 2022. № 3. С. 43–52.

4. Криминология / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. Москва, 2004.

5. Мильчехина Е. В. Уголовно-правовой и криминологический анализ незаконной банковской деятельности: дис. … канд. юрид. наук, Екатеринбург, 2010. 197 с.

6. Пинкевич Т. В. Трансформация организованной преступности в условиях цифровизации // Право и управление. 2023. № 10. С. 464–469.

7. Пинкевич Т. В. Экономическая преступность: современное состояние и прогноз // Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2020. С. 287–295.

8. Плаксин В. А. Особенности функционирования терминологической сферы «Банковская деятельность» в предметно-терминологической области «Экономическая деятельность» // Вестник Академии знаний. 2018. № 24(1). С. 229–236.

9. Савченко М. М. Особенности диспозиции статьи 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность» // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 2. С. 136–141.

© Акинжала В. И.

10. Саркисян А. Ж. Незаконная банковская деятельность: уголовно-правовые аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 25 с.

11. Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. А. Э. Жалинского. Москва, 2005.

12. Якоби Став. Противодействие преступлениям в сфере банковской деятельности: криминологические и уголовно-правовые проблемы: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2009. 240 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Акинжала Владимир Игоревич

Адъюнкт, Академия управления МВД России (Москва, Россия); начальник 2-го отдела УЭБ и ПК УМВД России по Калининградской области (Калининград, Россия).
E-mail: orlssovetsk@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir I. Akinzhala

Adjunct, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russia); Head of the 2nd Department of the Economic Security and Combating Corruption Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Kaliningrad Region (Kaliningrad, Russia).
E-mail: orlssovetsk@mail.ru

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 04.06.2026.
Дата рецензирования статьи / Revised: 17.07.2026.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 27.07.2026.

© Акинжала В. И.